

Украинская национальная идея в годы Первой мировой войны (на примере украинской художественной литературы)

Украинские земли, накануне и в начале Первой мировой войны разделенные между двумя империями (Российской и Австро-Венгерской), оказались разделены и между двумя враждебными блоками. Втянутые не по своей воле в империалистическую войну, зачастую не понимая истинных целей противоборствующих сторон, украинцы вынуждены были сражаться во враждебных армиях друг против друга, а мирные жители, на территории проживания которых проходили военные действия, — терпеть бедствия от рук как «чужих», так и «своих».

Для изучения национальной идеи в военные годы, когда периодическая печать или находится под запретом, или подвергается жесткой цензуре, роль художественной литературы как исторического источника неизмеримо возрастает. Именно в ней сосредотачиваются мысли и чувства не только творческой интеллигенции, но и простого народа, с которым она в годы общей для всех беды оказывается связанной невидимыми узами.

Однако прежде чем перейти к рассмотрению основного вопроса, следует разобраться в том, что же включает в себя понятие «нация». Если попытаться свести огромное множество различных интерпретаций нации в единую систему, то окажется, что наиболее распространенными концепциями окажутся: 1) этническая, основанная на общности происхождения, и 2) политическая, в которой нация определяется как совокупность проживающих на территории государства граждан. Первая концепция берет свое происхождение от немецкого просветителя И.Г. Гердера, вторая — от документов времен Великой французской революции XVIII в. Однако встречается и иное понимание нации, впервые высказанное в трудах австрийских социал-демократов Отто Бауэра и Карла Реннера. Согласно их интерпретации, нация — это прежде всего «культурное сообщество» (*Kulturgemeinschaft*¹). Некоторые исследователи пытаются объединить эту концепцию с этнической, что,

на наш взгляд, не только не верно, но и ведет в конечном итоге к расизму, поскольку исключает из национальной культуры тех ее представителей, которые имеют иное этническое происхождение².

Нация как культурное сообщество включает, на наш взгляд, следующие необходимые элементы:

- общую культуру и общую историю;
- общий язык;
- и не в последнюю очередь — развитое национальное самосознание.

Это понятие не обязательно предполагает наличие государственности (или общей государственности), особенно на ранних этапах развития нации, хотя стремление к созданию своего национального государства, безусловно, присутствует. Именно на понятие нации как культурного сообщества мы и опираемся в своем исследовании, не отрицая в то же время и концепцию политической нации. Как культурное сообщество украинская нация сложилась на рубеже XIX–XX вв. Это была, по словам самих деятелей украинского национального возрождения, «бездержавна нація», т.е. нация, не имеющая своей государственности. При этом, несмотря на различие исторических судеб обеих частей Украины, национальную украинскую художественную литературу уже со времени Ивана Франко можно рассматривать как единое целое. Хотя понятия «русин», «руснак» и «русский» («руська мова») еще встречались — как, например, в стихотворениях и письмах (того же И. Франко), так и в обиходе, галичане и жители российской Украины, осознав свою культурную и историческую общность, уже называли себя *українцями*³. В таком случае, естественно, должен возникнуть вопрос: а что же дала именно война уже сложившейся нации?

* * *

Трагедия разделенного народа нашла отражение в рассказах Ольги Кобылянской («Иуда», «Письмо осужденного на смерть воина своей жене» и др.), поэмах Тодося Осьмачки, стихах Олександра Олеса, Осипа Маковея, автобиографии Христы Алчевской «Воспоминания и встречи». Новелла Василя Стефаника «Мария» раскрывает невозможность для простого человека осознать, как люди, говорящие на том же языке и поющие те же песни, могут быть солдатами вражеской армии. «Проклятьем Каина» называет судьбу украинского народа в этой войне вынужденный зарабатывать свой хлеб на киевских скотобойнях

поэт Александр Олесь. Однако попытки «объединить» украинские земли под скипетром монарха одной из противоборствующих сторон встречают резкое сопротивление писателей и поэтов (Иван Франко, Александр Олесь и др.).

В то же время украинские политики и публицисты, находившиеся на территории противоборствующих держав, просто вынуждены были поддерживать «своих» монархов. Так, российские украинцы, издававшие в Москве на русском языке журнал «Украинская жизнь», в начале войны выступили с воззванием «Война и украинцы», в котором не только выразили свою лояльность российскому правительству и готовность защищать целостность российского государства, но и высказали надежду, что Россия, толерантно относящаяся к украинцам, может стать центром притяжения и для украинцев Австрии⁴. В то же время украинцы Галиции, представленные в Главной украинской раде, 3 августа 1914 г. выпустили Манифест, в котором заявляли, что «Победа австро-венгерской монархии будет и нашей победой»⁵.

Иногда дело доходило до курьезов. Так, в журнале «Украинская жизнь» № 3–6 за 1917 г. была опубликована написанная в Женеве в ноябре 1916 г. статья В. Левинского «Конец австрийской ориентации», автор которой утверждал, что «названная ориентация утратила смысл своего существования»⁶. Однако «Вісник Союзу визволення України», выходящий в том же году в Вене, утверждал прямо противоположное⁷! Правда, в последнем случае речь шла лишь о сотрудничестве в ходе войны, а не о вхождении в состав австрийского государства.

Хотя в украинской литературе военного периода и встречаются сочинения, воспевающие военные баталии, герои большинства украинских произведений не понимают ни целей, ни сущности войны. Не понимает, за что именно он осужден на смертную казнь, герой рассказа О. Кобылянской «Письмо осужденного на смерть воина своей жене», заснувший в окопе во время отступления австрийской армии. Не понимают логики действий ни русских, ни австрийских войск герои новелл Марко Шеремшины «Село во время войны».

«А мы, калеки и старцы,

Рыдаем.

И мы погибнем, как борцы,

Но вот за что — не знаем»⁸, — писал О. Олесь.

И все же война способствовала росту национального самосознания украинцев. И солдаты противоборствующих армий, и пленные, и беженцы из разных частей воюющих между собой стран, и раненые в госпиталях, услышав родную речь и песню на родном языке, осознавали постепенно себя частью единого украинского целого. Об этом в частности пишет из украинского села, расположенного в Венгрии, корреспондент «Вестника Союза освобождения Украины», подписавшийся псевдонимом I.H.: «Я часто с ними [с пленными. — *И.К.*] разговаривал, — пишет он, — прежде всего с Украинцами. Они большей частью грамотны, а те из них, кто является национально сознательными, подчеркивают достаточно ярко, что они не Москали, которыми их считают иностранцы (Мадьяры), а Украинцы. Я был свидетелем, как один из пленнх пришел за чем-то к склепу, и показывая на себя с определенной гордостью рукой, повторял, обращаясь к его собственнику: “Ich ukrainisch, ich nicht russisch!”⁹⁹». И снова я услышал, как один лейтенант — Поляк — спрашивал у группы пленнх, какой они национальности. На это один из них ответил “Мы Украинцы”. Тогда лейтенант сказал: “Ага, это значит Малороссы. Несколько пленнх заявило сразу же почти с досадой: “Нет, мы Украинцы!”»¹⁰.

Рост украинского национального самосознания и осознания себя единой нацией подтверждается и другой стороной. В газете «Русские ведомости» в начале 1915 г. был напечатан очерк ее сотрудника Е. Ганейзера, в котором тот рассказывал о своей встрече с пожилым украинцем в занятой русскими войсками Галиции. «Вам не приходилось видеть, как беседует австрийский пленный украинец с вашим украинцем, казаком с Кубани? — говорил тот корреспонденту. — Как родные братья. Вы не можете представить себе, какие глубокие впечатления мы пережили во время похода ваших войск. Как пошли люди с Кубани, с Днепра, с Ворсклы, с Полтавщины... Боже мой! Как запели: “Розвивайся ты зелений дубе!” Ну, какое же австрофильство? Тут не австрофильство, — тут слезы на глаза выступали...». И дальше Ганейзер пишет: «Хозяин встал, взволнованный подошел к окну и молча стоял, пряча лицо. Я вспомнил сценку, виденную во время ночного сидения в Бродах. Часа в два ночи, когда на вокзале стало пусто, ходивший по платформе часовой с ружьем, из запасных, крестьянин Волынской губернии, заросший лохматой бородой и совершенно лишенный военной

выправки, присел на корточки рядом с молоденьким австрийским солдатиком, сидевшим в такой же позе. Это был пленный, которого вместе с другими отправляли в Россию. Они оживленно беседовали по-украински и поочередно курили из одной трубки <...>

— Трубка мира, — сказал хозяин, возвращаясь на свое место. — Как же воевать между собой этим людям?..»¹¹.

Подобные же настроения и чувства братства присутствуют и в художественной литературе. Осип Маковей в стихотворении «Братья» описывает разговор двух воинов, израненных и упавших у дороги. Выясняется, что они, принадлежащие к враждебным лагерям, говорят на одном и том же языке и оба не по своей воле оказались на войне. Стихотворение заканчивается на мажорной ноте. «Будет, будет Украина еще счастливою!» — восклицают так неожиданно нашедшие друг друга братья по духу¹². Такое же осознание своей духовной общности у представителей, казалось бы, враждебных лагерей встречаем и в новелле Василя Стефаника «Мария».

Февральская революция в России и революционные события в Австро-Венгрии, приведшие в конце войны к ее распаду, вызвали небывалый доселе всплеск национального самосознания украинского народа. Появляется цель — свободная, независимая Украина. То, что Олександр Олесь провозглашал еще в 1915 г. (стихотворение «В ночи»), стало ясным и для тех, кто по разным причинам не ставил украинскую идею во главу своего творчества. Только теперь и в российской Украине идея независимости украинского государства провозглашается открыто.

«Гей, вперед! Сквозь лес дубовый.
Наша цель ведь нам ясна!
Лишь в свободной Украине
Отдохнем, друзья, сполна.
Больше веры, больше страсти!
Гнутя, падают дубы!
Отдохнем после ненастья,
После праведной борьбы.
Братья, близко мы от цели.
Светит солнце, бодр настрой.
Впереди у нас — победа
И любимый край родной!»¹³

Это тот же Олесь, но уже 1917 г. Но вот и молодой поэт, Павло Тычина, в стихотворении «Золотой шум», также написанном после Февральской революции, бурно радуется рождению новой, молодой нации.

4(17) марта 1917 г. на собрании более 100 представителей различных украинских организаций в Киеве была создана Центральная рада, председателем которой был избран историк и общественный деятель М.С. Грушевский. В первых воззваниях Рады от 9 (22) марта говорилось о поддержке курса Временного правительства России на созыв Учредительного собрания, выдвигалось требование широкой национально-территориальной автономии украинских земель, в качестве официального языка, а также языка обучения во всех школах и вузах устанавливался украинский. 6–8 (19–21) апреля в Киеве состоялся Украинский национальный съезд, расширивший состав Центральной рады до 115 человек, куда вошли представители политических партий, общественных организаций, студенчества, городов, армии и флота. 15(28) июня был создан Генеральный секретариат во главе с писателем и политическим деятелем В. Винниченко, которому поручалось решение всех внутренних (финансовых, продовольственных, земельных, межнациональных и др.) вопросов в пределах Украины.

За весь период существования Центральной рады было создано девять «всеобщих собраний», на которых рассматривались вопросы украинизации армии, взаимоотношений с Временным правительством, государственного статуса украинских земель, заключения мира с воюющими государствами, а также земельный вопрос. 10 (23) июня был принят Первый Универсал, провозглашавший автономию Украины и курс на созыв Украинского Учредительного собрания. Вторым Универсалом (3.07.1917) Центральная рада заявляла о своей готовности сотрудничать с Временным правительством и не предпринимать никаких шагов до выборов во Всероссийское Национальное собрание.

Принятый 7(20) ноября 1917 г. Третий Универсал провозгласил создание Украинской Народной Республики в составе федеративной «республики Российской», а также отмену смертной казни, амнистию политическим заключенным, демократические права и свободы. В ноябре 1917 г. также был принят Закон о выборах в Учредительное собрание УНР и утвержден Устав «Вольного казачества» Украины. Четвертым Универсалом (22.01.1918), принятым в разгар борьбы с боль-

шевистской армией, провозглашалась независимость УНР. 26.01(8.02) 1918 г. под ударами большевистских войск Центральная рада была вынуждена оставить Киев и перебраться на Волынь.

27.01(9.02) 1918 г. в Бест-Литовске был заключен мирный договор между делегацией УНР и Центральными державами, что дало возможность Центральной раде вновь вернуться в Киев. По приглашению Рады на территорию Украины вступили немецкие войска.

На последнем заседании 29 апреля 1918 г. была принята Конституция УНР, однако в тот же день генерал Скоропадский при поддержке немецких войск осуществил государственный переворот, в результате которого Центральная рада была разогнана, однако становление украинской государственности продолжилось. 14 декабря того же года в результате антигетманского восстания правительство Скоропадского было свергнуто, и власть перешла к Директории во главе с В. Винниченко, а месяцем раньше, 13 ноября на части территории Галиции была создана Западно-Украинская Республика. 22 января УНР и ЗУНР объединились в одно государство, но закрепить достигнутое так и не удалось — украинские земли снова потеряли свою независимость.

Поэтому в украинской поэзии наряду с радостными гимнами долгожданной свободе звучат и трагические ноты. Тот же Олесь, снова опережая всех (как поэтов, так и историков), называет основную причину поражения украинской национальной революции: раскол в рядах интеллигенции, неготовность народа жить в независимом государстве.

«Нет у нас нации, — с горечью отмечал в своем дневнике в конце 1918 г. и писатель Владимир Винниченко. — Есть темный, осоловелый от всякого исторического дурману народ. Мы хотим сделать его нацией, а он искоса смотрит на наши манипуляции и сердито бурчит»¹⁴.

Таким образом, сложившаяся накануне войны как «культурное сообщество» украинская нация в период 1918–1920 гг. так и не смогла стать нацией политической, хотя стремление к созданию своей государственности неизмеримо возросло.

Примечания

1. См.: *Springer R.* Der Kampf der Österreichischen Nationen um den Staat. Leipzig; Wien, 1902. S. 55; *Bauer O.* Bemerkungen zur Nationalitätenfrage // Die Neue Zeit. 1908. Bd. I. S. 796.

2. Следуя этой логике, из украинской литературы, к примеру, следует исключить писательницу Марко Вовчок, а из русской – Н.В. Гоголя.
3. *Маковей О.* Рідна земля // Маковей О. Твори в двох томах. Т. I. Київ, 1990. С. 235–236.
4. Война и украинцы // Украинская жизнь. 1914. № 7.
5. Цит. по: *Гунчак Т.* Україна: ХХ століття. Київ, 2005. С. 58.
6. Левинський В. Конец австрийской ориентации // Украинская жизнь. 1917. № 3–6. С. 27.
7. См. напр.: Україна // Вістник Союзу визволення України. Відень, 16 січня 1916. С. 1–2.
8. *Олесь О.* «Не чують наших слів не кат, не брат...» // Олесь О. Твори в двох томах. Т. I. Київ, 1990. С. 242. (Перевод И.А. Кукушкиной).
9. «Я украинец, я не русский!» (нем.).
10. *І.Н.* По наших не своїх селах (Допись з Угорщини) // Вістник Союзу визволення України. Ч. 43–44. Відень, 31 жовтня, 1915. С. 6.
11. Цит. по: На Украине и вне ее. За месяц // Украинская жизнь. 1915. № 1. С. 76–77.
12. *Маковей О.* Брати // Маковей О. Вибране. Київ, 2008. С. 155–156.
13. *Олесь О.* Гей, вперед! // Твори в двох томах. Т. I. Київ, 1990. (Перевод И.А. Кукушкиной).
14. *Винниченко В.* Щоденник. 1911–1920. Т. I. Едмонтон; Нью-Йорк, 1980. С. 308–310.

Е.Ю. Полякова

Первая мировая война в восприятии ирландцев

История Первой мировой войны и участие в ней Ирландии долгое время не находили должного освещения в ирландской национальной историографии, что было связано с неприятием военного прошлого, отождествляемого в общественном сознании с защитой британских интересов и разделом страны. Это неприятие особенно усилилось во время североирландского кризиса 60–80-х гг. прошлого столетия в период